

СТАРОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ЖИЗНЕННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ КРЕСТЬЯН

С. К. Лямин,

С. Д. Олейникова

Тамбовский государственный

университет им. Г. Р. Державина,

ул. Интернациональная, 33, Тамбов, 392036 Россия

Аннотация

Введение. В статье рассматривается категория старости как неизбежного компонента жизненного и исторического циклов. **Материалы и методы.** В исследовании были применены традиционные исторические методы. В работе используется комплексный подход к анализу различных представлений крестьян о старости, так как старые – единственные носители прошлого. Описаны случаи, в которых крестьяне обращались к мнению и совету стариков в общине. Приведены примеры пословиц, поговорок, частушек, сказок, игр, где подтверждается, что старики являлись уважаемыми советчиками и помощниками по различным вопросам. **Результаты.** В статье подтверждается мысль о том, что старость отождествляется в крестьянском сознании со справедливостью, что старики выступали как обладатели своего рода эталонных представлений о мире. Подробно разъясняется значение терминов «старость», «старшинство», «старший», которые использовались для обозначения должности и социального положения человека. Подтверждается тот факт, что неизбежность смерти помещала старших вне мира живых – ближе к Богу, а значит – ближе к абсолютному знанию, «всеведению», которым они охотно делились с более молодыми. В исследовании затрагивается тема семьи, где главой каждой семьи являлся прадед, дед или отец, которому принадлежало главенствующее положение. Показан процесс перехода от патриархальной семьи к семье нукlearной, что резко отразилось на менталитете крестьян. Нововведение становится определенной ценностью в крестьянском сознании. Старое все чаще воспринимается как косное, мешающее движению вперед. **Заключение.** В заключении приходим к выводу о том, что чем большую динамику приобретало крестьянское хозяйство, тем больше размывались традиционные представления о предельно мудром прошлом и святой старости.

Ключевые слова: старость, мировоззрение, крестьяне, сказка, прошлое, семья, справедливость, община, помощник, дети

Для цитирования: Лямин С. К., Олейникова С. Д. (2025). Старость как компонент жизненного и исторического циклов в мировоззрении крестьян // История: факты и символы. 2025. № 1 (42). С. 22-35. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-22-35

Статья поступила: 10.12.2024

Статья принята в печать: 11.01.2025

Статья опубликована: 18.03.2025

© Лямин С., Олейникова С., 2025

OLD AGE AS A COMPONENT OF LIFE AND HISTORICAL CYCLES IN THE WORLDVIEW OF PEASANTS

*S. K. Lyamin,
S. D. Oleynikova*

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. The article considers the category of old age as an inevitable component of life and historical cycles. **Materials and methods.** Traditional historical methods were used in the study. The work uses a comprehensive approach to analyze various representatives of old age, as the old are the only bearers of the past. Cases are described where peasants sought the opinion and advice of elders in the community. There are examples of proverbs, sayings, ditties, fairy tales, games, where it is confirmed that old people were respected counsellors and helpers on various issues. **Results.** The article confirms the idea that old age is identified in the peasant consciousness with justice and that old people acted as the owners of some kind of reference ideas about the world. The meanings of the terms «old seniority», «seniority», «senior» which were used to denote a person's position and social standing are explained in detail. It is confirmed by the fact that the inevitability of death placed the elders outside the world of the living closer to God and therefore closer to absolute knowledge «omniscience», which they willingly shared with the younger ones. The study touches on the theme of the family, the head of each family is the great – grandfather, grandfather or father, who had the supreme position of authority. It shows the process of transition from patriarchal family to nuclear family, which sharply affected the mentality of peasants. Innovation becomes a certain value in the peasant consciousness. **Conclusion.** The old is increasingly perceived as oblique hindering forward movement, we conclude that the more dynamic the peasant economy became, the more the traditional notions of an extremely wise past and saintly old age were eroded.

Keywords: old age, outlook, peasants, fairy tale, past, family, fairness, community, assistant, children
For citation: Lyamin S. K., Oleynikova S. D. (2025). Old age as a component of life and historical cycles in the worldview of peasants In *History: facts and symbols*, 1 (42), 22-35. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-22-35

Received: 10.12.2024

Revised: 11.01.2025

Published: 18.03.2025

© Lyamin S., Oleynikova S., 2025

1. Введение

Специфика крестьянского хозяйствования и образа жизни приводила к господству представлений о цикличности в крестьянском мировоззрении. Подобно смерти старость рассматривалась крестьянином как неизбежный компонент жизненного цикла. Будучи таковой старость, как и смерть или смена времён года, требовала смирения. Такое отношение к старости, как ни странно, можно было бы точно выразить строками современной песни: «Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать». Цикличность сама по себе не допускала каких-либо отклонений. Русские поговорки подтверждают этот вывод: «Старое стареется, а молодое растёт», «Одно золото не стареется» [4, с. 508-509].

2. Материалы и методы

Другой существенный аспект категории «старость» заключается в том, что она виделась как часть цикла много большей размерности, нежели человеческая жизнь. Крестьяне воспринимали историческое время движущимся по кругу: всё в мире повторяется, а не изменяется.

Отклонение от нормального, то есть повторяющегося хода вещей казалось крестьянину чем-то исключительным [10, с. 330]. Всякое нововведение изначально воспринималось негативно, «с опаской». Прошлое здесь – эталон для будущего. Это ретроградная утопия, когда наилучшее устройство мира, эталон для подражания, целеполагающая идея помещаются не в будущем или на некой отдалённой земле, а в собственном историческом прошлом. Ретроградная утопия, свойственная крестьянскому сознанию, заставляла всегда оглядываться на «стародавние времена», рождала стремление, как можно более детально копировать прошлое в настоящем. В русском фольклоре настойчиво утверждается мысль о том, что прошлое лучше настоящего. Это также отражение ретроградной утопии. Такое представление отчасти объяснялось экономическим положением семьи и роли в ней большака.

Восприятие пожилых людей среди крестьянства тесно связывалось с представлениями о цикличности времени и истории, где старость ассоциировалась с несением багажа прошлого. В этом контексте, старики представляли как ключевые фигуры, обладающие практически мистическим статусом в крестьянском обществе, ибо они оберегали и передавали жизненный цикл дальше. Их вклад в культурное наследие и социальные традиции подчёркивался многочисленными пословицами, вроде «Как отцы и деды, так и мы», «Отцы и деды не знали этого, да жили не хуже нашего» [10, с. 330], подчеркивая их роль как образцов для подражания. Вероятно, именно благодаря уважаемому статусу старшего поколения в семейных и общинных устоях, такие представления о старости не только возникли, но и укрепились.

3. Результаты

Почтения к пожилым людям выражение, такие как предоставление места, вежливое приветствие, приглашение занять почетные места за столом, всегда было распространено среди всех старейшин без каких-либо исключений. Однако, когда речь заходила о просьбе дать совет или разрешить спор в качестве третейского судьи, важность придавалась личностным характеристикам конкретного старика, таким как его честность, непредвзятость, способности в определённой области, уникальные знания или интуиция. Эта комбинация уважения к возрасту и признания общественности за вклад в жизнь, который старик внёс, выделяла из числа старших наиболее достойных доверия [3, с. 673-674].

Слишком обширен перечень ситуаций, где мудрость и наставления старейшин в деревенском сообществе были необходимы крестьянам. Об огромном множестве подобных обращений можно судить по самым разнообразным источникам. Так, например, Василий Емельянов, который наблюдал в 60-ых годах XIX века жизнь пяти селений Воронежской губернии, сообщал в этнографическое общество следующие сведения о значении стариков в общинных делах.

В ситуациях, когда общественные вопросы не требовали созыва полноценной сходки, решения принимались группой старейшин. Эти старейшины, отмеченные за их непредвзятость, внимательно анализировали каждую проблему. В случае разногласий между ними, окончательное решение достигалось путем голосования большинством. Специфический пример такого подхода виден в обработке семейных делений, где, при обращении за помощью, староста собирал «несколько стариков, отличающихся от других беспристрастием» [3, с. 672]. Важность и влияние этих старейшин на общинных встречах подтверждается многочисленными этнографическими докладами.

В дополнение к этому, крестьянские семьи регулярно участвовали в сходках общины, которые проводились по различным поводам, включая выборы на мирские должности и рекрутский набор. В этих собраниях присутствовал старший представитель каждой семьи, а община принимала решения по меньшим вопросам.

В ситуациях, когда виновного обязывали извиняться, его извинения адресовались не только лицу, пострадавшему от его действий, но и старейшинам общины. Это подчеркивало, что проступок затрагивал не только отдельного индивида, но и нарушал общественный порядок, за сохранение которого отвечали старики. Они, по сути, были стражами традиций и пра-

вил жизни общества. Это действие особенно акцентировалось в практиках таких как «общественный суд стариков», который существовал, например, в Мешковой деревне Орловской губернии, Орловского уезда.

Из доклада представителя этнографического общества становится известно о часто встречающемся обычае. Когда возникала неразрешимая на общем собрании проблема, прибегали к формированию общинного суда. Такой суд, обычно собирающийся перед сходкой, включал в себя старосту и четверых крестьян старше 50 лет с безупречной репутацией. Главной целью такого суда было урегулирование конфликтов между жителями деревни без обращения к вышестоящим инстанциям, пытаясь решить проблемы силами самих односельчан. Среди прочего, старейшины занимались разбирательствами вопросов, связанных с семейными разногласиями, физическими конфликтами, оскорблениями, отравлениями, нарушениями установленных запретов на труд в праздничные дни и так далее [3, с. 672-673].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что роль пожилых людей в обществе была уникальна. Они служили живыми хранилищами традиционного права и выступали в качестве консультантов по экономическим вопросам. Их высокий статус и значимость в качестве советников и помощников по разнообразным делам подтверждается в сказках Афанасьева, где представлены сцены, подчеркивающие их мудрость и уважение, которым они пользовались в обществе: «Долго ли, коротко ли шли они – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, – попался навстречу им седой старичок:

- Куда вы, царевичи, путь держите?
- Идем к батюшке на могилу: хотим его оживить.
- Ох, царевичи, вам самим его не оживить. Хотите, я помогу?
- Помоги, дедушка!
- Натё, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите.

Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли. Иван-царевич встал...» [11, с. 147].

В культуре крестьян, пожилые люди были символом честности, ведь они считались носителями уникальных знаний о жизни, благодаря своему богатому прошлому. Это представление о старшем поколении как о хранителях мудрости и праведности коренится в особенностях крестьянского бытия, где повторяемость жизненных циклов обеспечивала ощущение постоянства и безопасности. Тяжелые условия ведения сельского хозяйства, регулярные природные катаклизмы и социальные вызовы делали этот опыт и знания, передаваемые из поколения в поколение, особенно ценными для выживания и сохранения стабильности в мире, полном неопределенностей.

Ситуация такова, что излишние новшества и попытки экспериментов могли привести к катастрофическим итогам. Желание придерживаться традиционного образа жизни не было следствием невежества сельских жителей, а скорее результатом векового опыта, накопленного в процессе выживания. Пожилые люди были живыми хранителями этого опыта, а их образ жизни служил образцом для подражания в различных аспектах, от домашнего уклада до взаимоотношений за пределами собственной общины. Подтверждением этому служит пример из сказки о Морском царе и Василисе Премудрой: «А Иван-царевич пораздумался: “За что обругал я старуху?” Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет”. И стал ворочать старушку» [11, с. 162].

С главенствующим положением большака в семье и стариков в общине напрямую связано употребление терминов «старость», «старшинство», «старший» для обозначения должности и социального положения человека. Очень часто слова «старый» и «молодой» определяют именно чин. Например, в Киевской Руси члены младшей дружины не были младше по возрасту, но были «младше» чином.

Понятие «старый» имело также более широкое употребление помимо физического состояния. «Старшие чином впереди сидят». Выборный лидер какой-либо группы или военного

подразделения назывался и называется старостой или старшиной, что указывает на уровень власти и влияния, но не на биологический возраст [14, с. 110]. Примеры такого рода многочисленны:

Мы шатали старшину,
Нарушали тишину;
Мы шатали старосту,
Не боялись аресту! [13, с. 351]

Более того, необходимо заметить, что характеристика «старый», «старший», используемая для указания на высокое социальное положение, вообще могла быть не связана с возрастом человека. Лидеры в играх молодых назывались «старик» или «старка». В главе, посвящённой описанию детских забав, знаменитый этнограф П. В. Шейн указывает, что водящих в играх дети называли стариками. Например, игры «Мак», «Чёрный – вороной» и др. [2, с. 44-45]. Этот факт представляет значительную ценность, если учесть, что, согласно наблюдениям исследователей, «детский досуг в значительной степени – не что иное, как копирование обычных для жизни деревни сцен бытового и обрядового характера, но в игровой форме» [12, с. 187].

В давние времена, в соответствии с устоями крестьянской морали, старшим поколениям отводилась роль образцов для подражания и уважения. Так, не только родители, но и пожилые люди в целом, пользовались особым почтением в обществе. Это уважение проявлялось в различных аспектах жизни, например, на семейных торжествах старейшинам всегда предлагалось место с особыми почестями, а на улицах их встречали с выражениями уважения.

С самого раннего возраста крестьяне старались внедрить в своих детей глубокое почтение к старшему поколению. В этом важную роль играли рассказы и сказания с религиозно-нравственным подтекстом. Например, в сказке «Иван – крестьянский сын», главный герой, изначально проявивший неуважение к старухе и столкнувшийся с препятствиями, в итоге находит решение своих проблем в её мудрых советах после того, как просит у неё прощения [3, с. 672]. Аналогичный мотив прослеживается и в русской народной сказке «Царь-девица», где благодаря помощи старухи Иван, сын купца, снова завоевывает любовь царь-девицы [11 с. 170].

Таким образом, в системе крестьянских представлений старость выступала как определённый социальный «ярлык», свидетельствующий об общественном статусе.

Таковы были объективные условия формирования и эволюции крестьянских представлений о старости.

Необходимо заметить, что термины «старость», «старый» выражали и физическое состояние человека. Этот факт можно продемонстрировать на многочисленных примерах. Вот один из них – русская частушка:

Я любила старшину
За порядок, тишину.
Я любила старосту
За рубашку гарусну! [13, с. 360]

Очевидно, что здесь слова «старшина», «староста» используются для обозначения вовсе не пожилого человека. Речь идет, безусловно, о молодом человеке, исполняющем какую-то должность, «старшем по чину».

Исследователи отмечают, что одно из центральных понятий-противоположностей в русском мышлении – это «молодой – старый». Такой классификацией определяется не только биологический возраст. Употребление этих понятий также охватывает и многие другие категории. Старость в крестьянском миропонимании многозначна. На основе социальных констант выстраивалось огромное, но взаимосвязанное многообразие значений и смыслов старости.

Такая динамика объективных факторов, воздействующих на крестьянское представление о старости, приводила к определённой противоречивости этой категории. Доминирую-

шее уважительное отношение к старости было смешано со страхом перед старшими, которые всецело руководили жизнью семьи и общины, распоряжаясь имуществом, браками детей и т. п. Эта ситуация нашла отражение в синонимичности понятий «старшинство» и «высокое социальное положение», «чин». Необходимым компонентом циклического мировоззрения крестьян была ретроградная утопия, в рамках которой старики как носители прошлого являлись обладателями универсальных эталонных представлений о жизни. Близость смерти ставила старика ближе к Богу – на грань земной жизни – придавала ему оттенок святости.

В большинстве случаев, тем не менее, оценка «старый» употреблялась буквально – в значении неизбежно приближающейся смерти. Это придавало человеку специфическое положение вне земного мира, вне общины. Он помещался в особое «пространство мёртвых», целиком находящееся во власти Божьей. Крестьянская картина мира, безусловно, была двойственна: всё существующее здесь подразделялось на посюстороннее и потустороннее. Граница между тем и другим – смерть. Фатальность скорой смерти «изымала» человека из «пространства живых». Очевидно, в этом кроется источник отношения к старым как к святым – как к людям, более близким к Богу, чем простой народ.

Двойственность крестьянина присутствовала и в самой вере в загробную жизнь. Возможно, на таком отношении сказывается необразованность и «приземленность» данной категории населения. Сельский священник из Смоленской губернии (конец XIX века) Михаил Кулагин, с 40-летним стажем служения, так определил главную суть народной веры в загробную жизнь: «Христианское учение о будущей жизни, о вечном блаженстве и вечном мучении он (русский мужик) ... не может воспринять своим простым умом... Бестелесной души, бестелесного духа нет для него... Он – какой-то особый материалист. Нематерия ему непонятна, и он не признает ее. Да, кроме того, у него в понятии какая-то вечносуществующая, бессмертная, материальная жизнь. Все его покойники живут...» [1, с. 65-66].

Очень часто слово «старец» означало многознающего, мудрого человека и не обязательно старого, что видно из использования термина «рядовой старец» для обыкновенного монаха. Дело в том, что понятие «старый» было определением ущербности с оттенком святости для любого человека, находящегося на краю мирской жизни. Так, женщины, которые отказывались от замужества ради спасения своей души, были известны как «старки». Такие «старые» люди были не обязательно стары, а были в определённом смысле вне этого мира – «на его краю, ведущем к небесам» [14, с. 110].

Другая категория людей, находящихся на грани, - люди, которые не вполне были частью этой жизни и поэтому определялись как «старые» - нищие, блаженные. В соответствии с этим, как утверждает американский исследователь Д. Рэнсел, когда не имелся в виду возраст или превосходство в чине, понятие «старый» было в известной степени синонимично понятию «святость»: «Старые находились на закатной стороне жизни, на грани перехода в вечность. О них думали, что они уже находятся под покровительством Бога, но не мира. Они мысленно были поставлены в промежуточное положение между небесами и землёй – полусвятое заказанное пространство» [1, с. 111].

Подобные выводы находят достаточное подтверждение в источниках. Так, И. И. Дубасов передаёт слова нескольких стариков, опрошенных во время следствия по делу одного из тамбовских помещиков: «По старости лет наших нам непригоже разговаривать про дурные барские дела» [5, с. 121]. В сказках старки довольно часто, вне зависимости от своей роли, именуются «божий старичок» [11, с. 175].

Из предметного указателя к сборнику сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, очевидно, что в подавляющем большинстве русских сказок функции старика и старухи заключаются в том, чтобы давать полезные советы главному герою [11, с. 478]. Старик в сказках – носитель мистической мудрости и жизненного опыта. Старшие дают советы младшим, тогда как последние беспрекословно подчиняются этим наставлениям, хотя на первый взгляд в них нет никакой логики. Главные герои доверяют случайно встретившимся старшим свои деньги, судьбу,

а порой и саму жизнь, не задумываясь, насколько можно доверять их советам. Такой вопрос в сказках даже не ставится. Знание, помощь и руководство, необходимые героям, почти всегда исходят от неких стариков, «искусственно» вводимых в повествование. Такова обычная функция старших в русских сказках [11, с. 131, 312]. Вот типичный пример подобного рода появления старика в сказке (нетипично здесь только то, что герой не сразу прислушивается к словам старика): «Иван крестьянский сын три года искал [богатырского коня], нигде не мог сыскать. Идёт со слезами обратно к царю. Попадаетея ему навстречу старичок и спрашивает: «Чего ты, парень, плачешь?» Он ему на спрос грубо ответил, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил: «Смотри, малый, не помяни меня». Иван немного отошёл от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Старые люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал: «Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чём: три года ходил я по полю, по разным табунам – нигде не мог сыскать по себе коня». Старик отвечает: «Поди в такое-то село, там у мужика на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы народился паршивый жеребёнок; ты возьми его и выкорми...». Иван поклонился старику и пошёл в село...» [11, с. 233].

Таковую же функцию советников выполняют серый волк, камень на пути богатыря, чудозеркальце и т.п., то есть вещи потусторонние. Но почти никогда полезные и мудрые рекомендации не исходят от обычных людей, за исключением стариков. Таким образом, старики, даже если они не колдуны, окружены мистическим ореолом. Возможно, это отражение того факта, что неизбежность смерти помещала старших вне мира живых – ближе к Богу, а значит – ближе к абсолютному знанию, «всеведению».

До конца XIX века, в крестьянских кругах, глубокое уважение и почти мистическое восприятие старшего поколения были общепринятыми нормами. Это нашло отражение в их представлениях о силе и значении, которые они приписывали благословениям и проклятиям, исходящим от родителей. В этот период, по словам специалиста этнографического бюро, действовавшего в Ярославской области в начале XX века, «Родительскому благословению здесь придают громадное значение» [3, с. 671]. Народные сказания и поверья, распространённые среди населения, часто упоминали о том, как легкомысленно брошенные слова матери, такие как «проклятый» или «проклятая», могли обречь человека на жизнь под знаком злых сил [3, с. 672].

Нашему современнику кажется удивительным, что физически живой человек может восприниматься окружающими как в то же время и мёртвый. Однако абсолютное разделение посюстороннего и потустороннего – характерная черта европейского рационализма XIX-XX веков в духе «бытие есть, а небытия нет». Крестьянское сознание, безусловно, иное – оно глубоко мистическое. Как свидетельствует Н. Н. Козлова, здесь «нет непреодолимой границы между миром мёртвых и миром живых». Таковая неразделённость выражается не только по отношению к живым «старым», но даже и к безусловно мёртвым: «Могила находится рядом с жильём, а на кладбище ходят с бутылочкой» [9, с. 50].

Представления о старости во многом исходили из специфики внутрисемейных отношений, в то время как последние эволюционировали, как указывают исследователи, от составной отцовской семьи к демократической малой семье [10].

До середины 19-го столетия в российском крестьянском обществе основной единицей, объединяющей членов семьи, преимущественно выступала многопоколенная семья. Этот тип семьи, обычно насчитывающий значительное количество членов, формировался путем совместного проживания нескольких поколений: от дедов и отцов до их сыновей, их жён и детей. На примере губерний в 1857 году, количество членов в такой семье составляло: в Воронежской – примерно 9,6 человека, в Курской – около 9,1, и в Тамбовской – 9,0 [10, с. 225]. После же отмены крепостного права, наблюдается перемена в структуре семейной организации, где начинает преобладать малая, или так называемая нуклеарная, семья, ставшая характерной особенностью второй половины XIX века.

В конце XIX века было замечено значительное сокращение числа членов в крестьянских семьях. Например, в 1858 году в Воронежской губернии средний размер семьи насчитывал 9,4 человека, однако уже к 1884 году этот показатель снизился до 6,8, и продолжил уменьшаться, достигнув 6,6 человека к 1897 году. Эта тенденция к уменьшению численности семей была характерна не только для Воронежской, но и для других губерний данного региона¹. Важность семьи заключалась не только в её статусе как родственной единицы, но и как в экономическом объединении, где имущество было общим, а труд распределялся между членами на основе их возраста и пола.

В семейной иерархии наивысшую ступень занимал представитель старшего поколения – будь то прадед, дед, или же отец. Этому человеку, обозначаемому как большак или патриарх, предоставлялась непререкаемая власть. Все, что касалось семейных активов, хотя и принадлежало всем совместно, находилось под его безоговорочным контролем. Б. Н. Миронов красноречиво описывал такую структуру как «маленькое абсолютистское государство»: «Большак – самый опытный и старший по возрасту мужчина – осуществлял в своей семье патриархальное управление и традиционное господство, основанное на вере в законность и священность отцовской власти» [10, с. 236-237].

Глава семейства обладал абсолютной властью, контролировал распределение обязанностей и наказывал тех, кто нарушал правила, к тому же, он был единственным, через кого могли осуществляться сделки и выплата налогов. Важность его роли подчёркивалась ограничением для остальных членов семьи заключать сделки исключительно по его посредничеству.

Иерархический принцип был основой домашних отношений, где каждый знал своё место: от самого главы до самых младших. Женщины подчинялись старшей женщине в семье, а младшие по возрасту уважали старших. Детям полагалось слушаться взрослых. П. С. Ефименко в 1869 году отмечал: «К власти отца у крестьян естественное уважение, нередко соединяемое со страхом... Особа отца – священна» [6, с. 42-43]. Семья и общество взаимно поддерживали и дополняли друг друга в этой структуре [10, с. 241].

В русских селениях к вопросу о месте пожилых людей в крестьянской семье подходили с особым вниманием. Это было связано с культурой аграрного общества, законами и обычаями, заложенными глубокими корнями в семейных традициях и подкрепляемыми учениями православия.

Этнографические исследования показывают, что в районах с черноземной почвой крупные семейные структуры сохранялись намного дольше, чем в других регионах страны. В качестве примера можно привести село Вирятино в Тамбовской области, где, согласно семейным легендам, местные жители утверждают, что «раньше семьи были по преимуществу большие – около 25-30 человек. Нередко были семьи, в которых совместно проживало 4-5 женатых братьев» [15, с. 75-76].

Руководитель этих семейных кланов нес ответственность за управление домашними делами, включая распределение финансов и собственности [15, с. 77]. Интересный факт был выявлен в ходе переписи 1897 года: самые многочисленные домохозяйства, насчитывающие более десяти членов, обнаружили в селениях Воронежа. В этих местах проживало до 14,8% таких крупных семей. Примером масштаба семейных связей является хозяйство Леона Измайлова из Воронежа, где под одной крышей жило 54 человека. Состав его домохозяйства включал его самого и его жену в возрасте 76 и 74 лет соответственно, шесть женатых сыновей в возрасте между 36 и 55 годами, семь женатых внуков, девять неженатых внуков, десять незамужних внучек, три малолетних правнука и четыре правнучки. В этой семье насчитывалось 26 мужчин и 28 женщин [16, с. 5], что подчёркивало глубоко укоренившиеся патриархальные тенденции,

¹ Безгин, В. Б. (2006). Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 – российская история. Москва. С. 265.

влияющие на морально-психологическую атмосферу, как в семье, так и в более широком общественном контексте.

В сообществе и семейной структуре преобладало уважение к старшему поколению, основанное на страхе и авторитете, что обеспечивало поддержание порядка, установленного веками. Этот порядок, несмотря на возможное недовольство и негативные отзывы младших членов семейства, такие как «Через старых и молодым житья нет» и «От старых дураков молодым житья нет» [4, с. 513-514], сохранялся благодаря значительным ресурсам, которыми располагали старейшины для подавления любых признаков непослушания.

В обществе, где старшее поколение обладало непререкаемым авторитетом, любое отклонение от устоявшихся обычаев тут же подавлялось. И. М. Стародубов, обитатель Вирятино, отмечал: «Дома боялись стариков, потому не вводили новшеств» [15, с. 80].

Власть и влияние старших были неоспоримы до момента отмены крепостного права и на протяжении нескольких десятилетий после этого изменения, как в культурно-социальном, так и в психологическом аспектах.

В рамках патриархальной семьи, которая являлась своего рода микро-моделью общества, власть большака была абсолютной. Контролируя общее имущество, он старался изолировать семейную жизнь от любых внешних изменений, которые могли бы потрясти устоявшийся порядок, нарушить традиции или уменьшить его контроль и авторитет.

В семейной структуре, где домохозяин пользовался непререкаемым почетом, основанным на уже упомянутых аспектах, его решения в отношении образования и занятий детей были окончательными. Именно по этой причине он не желал отправлять своих детей на долгие занятия, выражая протест против их обучения «поэтому глава в такой семье противился обучению детей, неохотно отпускал их на дальний промысел»¹.

Исследователи подчеркивают, что источники в большинстве случаев отражают глубокое уважение крестьян к старшему поколению, включая родителей и старейшин общин. Однако наблюдаются свидетельства о том, что с XVIII века и особенно к концу XIX века уважение к пожилым людям в крестьянских обществах начало постепенно снижаться. М. М. Громько выделяет, что в крестьянской среде отношения между разными поколениями строились на основе уважения: «Взаимоотношение между поколениями в крестьянской среде... чётко определялось уважением к старшим – к родителям, к дедам и прадедам, к старикам в общине» [3, с. 670-671]. Описывая середину XIX века, один из наблюдателей за жизнью Тульской губернии отмечал высокую степень привязанности детей к родителям и наоборот, добавляя: «В крестьянстве здешнем родители очень чадолюбивы, а дети послушны и почтительны. Не видано ещё примеров, чтобы дети оставляли в пренебрежении отца или мать устаревших» [3, с. 670].

В эпоху капитализма и периода Великих реформ в 60 – 70-х годах XIX столетия, общественные устои и моральные ценности претерпевали значительные изменения. Несмотря на это, традиционное отношение к пожилым людям оставалось неизменным, особенно среди крестьянского населения. Взгляды, укоренившиеся в крестьянской среде, подчеркивали необходимость беспрекословного почитания старших, что являлось основой для взаимоотношений внутри сообщества. Нарушение этой нормы встречалось строгим осуждением как со стороны обычаев, так и в рамках общественного мнения. Отчет жителя Орловской губернии, датированный концом XIX века, отражает эти принципы: «Дети обязаны родителей во всём слушаться, покоить и кормить во время болезней и старости» [3, с. 671]. Это высказывание подчеркивает глубоко укоренившуюся традицию уважения к старшему поколению, которая пережила многие социальные изменения.

В XIX в. произошли значительные изменения в структуре российского общества, включая преобразования в деревенской жизни. Изменение семейных структур с больших патриар-

¹ Безгин, В. Б. (2006). *Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков*: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 – российская история. Москва. С. 265.

хальных семей на меньшие, более демократические формы, является одним из ключевых аспектов этих модернизационных процессов. Это, в свою очередь, привело к новому распределению ролей в семье и к изменению взглядов на авторитет старших.

Изменения в семейных структурах после реформ привлекли внимание этнографов, которые зафиксировали глубокие преобразования в жизни крестьян. Среди замеченных изменений были частые разделы семей и увеличение числа отходников, указывая на новую свободу и отсутствие прежней подчиненности и страха среди младших членов семьи, что резко контрастировало с прежними патриархальными отношениями [15, с. 76, 81].

Развитие товарно-денежных связей в русских деревнях имело существенное воздействие на преобразование крестьянской жизни. Эти изменения затрагивали не только экономическую сферу, но и социальные аспекты, влияя на взаимоотношения внутри семей, их повадки, традиции и образ жизни. С уменьшением важности патриархальной семьи, появлялось всё больше небольших семей, которые к началу XX века превратились в преобладающий тип семейной структуры среди крестьян. Это было частью более широких социальных изменений, вызванных модернизацией общества, которые вели к разделению крестьянских хозяйств на меньшие единицы.

В период с начала 1880-х до конца 1920-х годов деревенскую жизнь охватило глубокое преобразование, символически выражаемое как «захлестнувшая волна семейных разделов». В результате этой эволюции, обусловленной объективными причинами, произошёл переход от патриархального уклада к нуклеарному типу семьи. Этот сдвиг не только изменил социальную структуру семьи, но и оказал глубокое влияние на ментальность российского крестьянства, о чём свидетельствует исследование¹.

С уменьшением размера семьи до состоящей только из прямых родственников, стали заметны изменения в социальном положении женщин и детей, чьи права и интересы начали получать всё большее признание и уважение.

Изменение социально-экономического статуса старшего поколения, в немалой степени обусловленное появлением индивидуальной собственности среди членов семьи, несомненно, сказывается на их авторитете, особенно в вопросах брачных уз. Сельская молодежь все чаще и чаще претендует на право самостоятельно решать, кем быть в браке, что подрывает традиционное влияние старших. «Нельзя сказать, чтобы молодое поколение вершит свои браки, не спрашиваясь воли родительской, но это время уже близко. Всё более и более захватывает себе право сельская молодёжь, а в делах брака особенно падает авторитет родительский» [8, с. 68-69]. Таким образом, наблюдается явление, когда младшие поколения постепенно перестают подчиняться власти старших, что особенно заметно на примере заключения браков.

В рамках крестьянской традиции, до момента, когда сын не начинал вести собственное хозяйство, выделившись из семьи, или дочь не уходила замуж, их положение в семье характеризовалось абсолютным подчинением родительской воле в различных аспектах жизни. Противоречие решениям отца не допускалось, будь то личные выборы или хозяйственные вопросы. В случае жалоб на детей за непослушание, предъявленных общине или представителям волостного суда, вердикт, как правило, оказывался в пользу родителей. Однако с получением сыном независимости через создание отдельного хозяйства или замужеством дочери, их подчиненность родительской власти, согласно крестьянским устоям, заканчивалась, ознаменовав собой потерю родителями прежних полномочий над ними.

Несмотря на общепринятые нормы, обязательство детей заботиться о своих возрастающих и немощных родителях оставалось неизменным. Согласно традиционному праву, дети несут ответственность за предоставление необходимого ухода и поддержки родителям, когда те уже не могут обеспечить себя самостоятельно, что выражается в формулировке: «Дети, дос-

¹ Безгин, В. Б. (2006). Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: дис. д-ра исторических наук: 07.00.02 – российская история. М. С. 269.

тигнув совершеннолетия, должны покоить и ухаживать за родителями в их старости и давать им приличное содержание и всегда оказывать им почтение и повиновение. На обязанности детей – похоронить родителей и поминать их» [3, с. 673]. Эта роль включает в себя не только финансовую поддержку, но и моральное обязательство почитать память ушедших, подчеркивая значимость уважения и послушания родителям.

Ретроградный утопизм крестьянства, а вместе с ним представление о старших как о носителях вневременного жизненного эталона, постепенно, хотя и крайне медленно, разрушались. Эта тенденция, существовавшая и в предшествующий период, усиливается именно во второй половине XIX века в процессе модернизации. О наличии таковой тенденции свидетельствует, например, следующий сюжет так называемой бытовой сказки «Солдатская школа». Завязка проста и широко распространена – солдат решил обмануть скупую старуху. «Много он наказывал ей всякого вздора, а та – известное дело – в лесу родилась, пню молилась, дальше поскотины не бывала и ничего не видела, слушает развеся уши, всему верит и дивится» [7, с. 120]. Аналогичная картина представляется и в русской народной сказке «Солдатская загадка», где два солдата пошли, образно говоря, на обманный маневр. Они стащили у старухи приготовленного петуха, так как она обманула их, сказав, что ей нечем их отпотчевать [11, с. 231]. Здесь «старина» уже не воспринимается как универсальная мудрость. Аналогичен сюжет известной сказки о том, как хитрый солдат варил кашу из топора. Здесь проступает определённая эволюция отношения крестьян к прошлому, и соответственно – к консервативному опыту старшего поколения.

Следовательно, реалии поступательного экономического и социального развития, вторгающиеся в деревню, не могли не влиять в определённой мере и на мировоззрение крестьянства. «Старина-старина, да до нас не дошла» [4, с. 508]. Нововведение становится определённой ценностью в крестьянском сознании. Старое всё чаще воспринимается как косное, мешающее движению вперёд. «Старый дурак глупее молодого», «Старого учить, что мёртвого лечить», «Малый – да умён, старый – да глуп» [4, с. 508]. Главный герой сказки «Похороны козла» – бедный старик, которого остальные действующие лица сказки именуют не иначе как «глупый старик», «эко ты стар и глуп», «старый хрыч» и т.п. [7, с. 116]. Даже в поговорке «Стар годами, да молод умом», которая, на первый взгляд, несёт положительный смысл, на самом деле ум и старость соединены лишь в качестве исключения. Такое представление о старости, сформировавшееся много раньше, заметно распространялось в ходе разложения патриархальной семьи.

4. Заключение

Таким образом, чем большую динамику приобретало крестьянское хозяйство, тем больше размывались традиционные представления о предельно мудром прошлом и святой старости.

Понятие «старость», включавшее в себя множество взаимосвязанных аспектов, оказалась прочно связанным с отношением к старикам, поэтому и отношение к старости диктовалось реальными социально-экономическими позициями старшего поколения. На фоне бурного развития буржуазных отношений в стране в рассматриваемый период происходила эволюция составной отцовской семьи в малую демократическую. Этот процесс вызвал некоторое снижение хозяйственной и культурной роли старшего поколения в семье и общине к концу XIX века. Хотя, конечно, старики продолжали занимать самое влиятельное положение в социальной структуре.

Вторжение в деревню капиталистических отношений, участвовавшие разделы семей, увеличивающееся отходничество и пр. – всё это приводило к тому, что во второй половине столетия значительно усилился процесс высвобождения молодого поколения из-под патриархальной власти глав больших семей. Постепенно разрушалось представление о старости как об эталоне для настоящего и будущего. Впрочем, безусловно, нельзя преувеличивать степень эрозии традиционного мышления в крестьянской среде к концу XIX века.

Основываясь на данных исследования, был выявлен переходный период конца XIX века, отмеченный угасанием обычного для православной культуры «патриархального» строя. Эта трансформация была ускорена благодаря реформам, проведенным в 1860-х и 1870-х годах, а также за счет натуральных изменений в структуре семьи, которые наблюдались в ходе начальной стадии урбанизации в Российской Империи. Исследование также подчеркивает, как взаимосвязь между экономическими, психологическими и социальными аспектами жизни крестьянства была отражена через жизненный опыт и взгляды старшего поколения крестьян, которые традиционно занимали лидирующие позиции в семьях и общинах. Столкновение между пожилыми и молодыми поколениями в семье и обществе иллюстрирует неизменные конфликты «отцов и детей».

В основе этого конфликта лежит более глубокое противоречие между взглядами консерваторов и инноваторов. Распадение крупных семейных общин на более мелкие, так называемые нуклеарные семьи, частично уладило этот конфликт исторических и идеологических разногласий.

Когда мы рассматриваем социальные изменения, становится очевидным, что отделение младших членов от «патриархальных семейных гнезд» внесло элементы либерализма и свободы в крестьянскую жизнь конца XIX века. Это, по-видимому, создало благоприятную среду для принятия новаторских и революционных идей, а также способствовало уменьшению влияния церкви в общественной жизни.

Список источников и литературы

1. Богданов, В. В. (1989). *Этнография в истории моей жизни*. М.: Ин-т этнографии. 183 с.
2. *Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах* / материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. (1989). М.: Наука. С. 44-45.
3. Громько, М. М. (1999). *Традиционный нравственный идеал и вера* // Русские. М.: Наука. С. 672-673.
4. Даль, В. И. (1994). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. М.: Русский яз. 684 с.
5. Дубасов, И. И. (1993). *Очерки из истории Тамбовского края* // И. И. Дубасов. – Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т. 443 с.
6. Ефименко, П. С. (1999). *Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии*. Архангельск. 1869. 336 с.
7. *Живая вода: Сборник рус. нар. песен, сказок, пословиц, загадок*: [Для сред. и ст. возраста] / [Сост., вступ. статья и примеч. В. П. Аникина]. (1977). М.: Дет. лит. 367 с.
8. Звонков, А. П. (1889). *Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии* // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. М.: Вып. 1. С. 68-69.
9. Козлова, Н. Н. (1999). *Социально-историческая антропология*. М.: Ключ. 48 с.
10. Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб.: Дмитрий Буланин. 548 с.
11. *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева*: в 3 т. / Под ред. В. П. Аникина. (1958). М.: Гослитиздат. 515 с.
12. *Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков. Итоги этнографических исследований*. (2001). М. Наука. С.187
13. *Русская народная поэзия*. (1984). Л.: Художественная литература. С. 351.
14. Рэнсел, Д. (1996). «*Старые младенцы*» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы международной конференции. М.: Наука. С. 110.

15. *Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни.* (1958). М., Изд-во академии наук СССР. 277 с.

16. Федяевский, К. К. (1905). *Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г.* СПб. 21 с.

References

1. Bogdanov, V. V. (1989). *Jetnografija v istorii moej zhizni* [Ethnography in the history of my life]. Moscow: In-t jetnografii. (in Russian).

2. *Great Russians in their songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends* [Great Russian in his songs, rituals, customs, beliefs, fairy tales, legends] / materials collected and put in order by P.V. (1989) (reissue 1998). Sheyn. Moscow. Nauka, 44-45. (in Russian).

3. Gromyko, M. M. (1999). *Tradicionnyj npravstvennyj ideal i vera* [Traditional moral ideal and faith] in *Russkie*. Moscow. Nauka. 672-673. (in Russian).

4. Dal', V. I. (1994). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: v 4-h t. T 4 / V. I. Dal'. Moscow.: Russkij jaz. 508-509. (in Russian).

5. Dubasov, I. I. (1993). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* in I. I. Dubasov [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov: Tamb.gos. ped. in-t. (in Russian).

6. Efimenko, P. S. (1999). *Sbornik narodnyh juridicheskikh obychaev Arhangel'skoj gubernii* [Collection of folk legal customs of the Arkhangelsk province]. Arhangel'sk. 1869. (in Russian).

7. *Zhivaja voda: Sbornik rus. nar. pesen, skazok, poslovic, zagadok: [Dlja sred. i st. vozrasta] / [Sost., vstup. stat'ja i primech. V. P. Anikina]. [Living Water: A collection of Russian folk songs, fairy tales, proverbs, riddles] (1977). Moscow.: Det. lit. (in Russian).*

8. Zvonkov, A. P. (1889). *Sovremennyj brak i svad'ba sredi krest'jan Tambovskoj gubernii* [Modern marriage and wedding among the peasants of Tambov province] in *Sbornik svedenij dlja izuchenija byta krest'janskogo naselenija Rossii / Pod red. N. Haruzina. Moscow.: Vyp. 1. 68-69. (in Russian).*

9. Kozlova, N. N. (1999). *Social'no-istoricheskaja antropologija* [Socio-historical anthropology]. Moscow.: Kljuch. (in Russian).

10. Mironov, B. N. (1999). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva.* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin. (in Russian).

11. *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanas'eva v treh tomah [Russian folk tales by A.N. Afanasyev in three volumes] / pod red. V.P. Anikina. (1958). Moscow., Goslitizdat. (in Russian).

12. *Pravoslavnaia zhizn' russkikh krest'jan XIX-XX vekov. Itogi jetnograficheskikh issledovanij* [The Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th centuries. The results of ethnographic research]. (2001). Moscow. Nauka. (in Russian).

13. *Russkaja narodnaja poezija* [Russian folk poetry]. (1984). L., Hudozhestvennaja literatura. (in Russian).

14. Rjensel, D. (1996). «*Starye mladency*» v russkoj derevne ["Old babies" in the Russian village] in *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX-XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii.* Moscow: Nauka. 110. (in Russian).

15. *Selo Virjatino v proshlom i nastojashhem. Opyt jetnograficheskogo izuchenija russkoj kolhoznoj derevni* [The village of Viryatino in the past and present. The experience of ethnographic study of the Russian collective farm village]. (1958). Moscow, Izd-vo akademii nauk SSSR. (in Russian).

16. Fedjaevskij, K. K. (1905). *Krest'janskaja sem'ja Voronezhskoj gubernii po perepisi 1897 g.* [Peasant family of the Voronezh province according to the 1897 census] SPb. (in Russian).

Вклад авторов

С. К. Лямин: получение данных для анализа, анализ полученных данных; написание текста рукописи;

С. Д. Олейникова: написание части текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contribution

S. K. Lyamin: obtaining data for analysis, analysis of obtained data; writing the manuscript;

S. D. Oleynikova: writing part of the manuscript; review of publications on the topic of the article.